

Год 1999-й получился у меня наполненным многими знаменательными событиями. В хронологической последовательности:

У меня вышла вторая поэтическая книга — «Аттестат зрелости», и она далась мне внешне заметно легче, чем книга первая — «Байкитский старожил», вышедшая годом раньше. Среди литераторов бытует такая мысль, что первая книга писателя пишется им всю жизнь, а каждая последующая — какой-то определённый период времени. В этом есть своя логика, как есть своя логика и в моей мысли о том, что после выхода первой книги происходит какое-то внутреннее раскрепощение, освобождение, и из глубин поднимаются новые пласты, требующие реализации. Пружина, которая раньше работала только на сжатие, начинает распрямляться. Этот образ распрямляющейся пружины у меня отчётливо прозвучал в следующем стихотворении:

Прерывистый диалог

— Твой поцелуй и прян, и жарок,
И губ нектар необъяснимый...
— Я не хочу, чтобы приварок,
Стал милостью неоценимой...

— В твоей руке синица счастья!
— Подумаешь, какая малость...
Любовь не встретила участия,
Пружинкой сжатою осталась...

Ввиду звезды — звезды вечерней —
Отправился бродить по свету
С копилкой встреч и впечатлений,
Как и положено поэту.

.....

Вот здесь потоплена эскадра,
Пусты заливы и каналы.
— Ах, всё находится за кадром,
Не занесённое в анналы.

Начертано: «Дорога лечит», —
Не верьте, господа, фальшивке!
— Ах, насморк боцмана — предтеча
Крутой пробоины в обшивке.

Не важны имена и звания,
Когда вдруг *заиграло* детство.
Всего одно лишь пожелание —
Чтоб позволяли *жить* плавсредства.

— Ах, где оно, шальное общество,
Сулившее «И аз отмщение»?
И одиночкой — одиночество,
И каторгою — возвращение...

.....
— Где ты была, скажи на милость,
Какие дни-года итожила,
Когда пружинка распрямилась
И внутренности покорёжила?..

— Ах, я сидела у окошка —
Мечтаний вихрь подобен танцам, —
Как пустотелая матрёшка
С оптимистическим румянцем...

Следующее в хронологической последовательности знаковое событие — аттестация на высшую учительскую категорию. Внешне, если учитывать только непосредственно годы моей работы в школе учителем информатики, это был настоящий прорыв. Если же посмотреть на ситуацию более широко и учесть моё базовое образование (математический факультет Красноярского государственного университета), моё образование армейское (срочную службу в рядах Советской Армии), мой опыт и мои успехи по другим направлениям моей деятельности (к этому времени у меня уже был двадцатилетний опыт работы по организации, проведению, судейству шахматных

соревнований в Байките, Эвенкийском автономном округе и в целом Красноярском крае; опыт работы с детьми в Байкитском центре детского творчества; участие в соревнованиях разного уровня — индивидуальное и в качестве тренера и капитана команды с командами детей и взрослых; опыт работы в геологии в качестве программиста, геофизика и начальника информационно-вычислительного центра; опыт работы со старшеклассниками Байкитской средней школы в плане подготовки операторов электронно-вычислительных машин и программистов), то высшая учительская категория уже не покажется такой уж заоблачной вершиной, хотя досужие разговоры среди коллег-учителей по типу: «Всего пятый год работает в школе — и уже на высшую категорию...» — имели место быть. Возможно, дело в тех внутренних «перегородках», которые человек, как самостоятельно, так и с «помощью» близких и дальних людей, выстраивает внутри себя.

Следующим значительным и знаковым событием 1999 года стало моё участие в организации, проведении и судействе международного шахматного фестиваля «Енисейская ладья», проходившего на теплоходе «Александр Матросов» во время круиза по маршруту Красноярск — Дудинка — Красноярск. Общение с разными людьми, как по шахматным вопросам, так и в плане житейском. Спустя годы я уже несколько по-иному и с доброй улыбкой вспоминаю моё общение с покойным ныне Александром Семёновичем Хасиным, международным гроссмейстером, тренером, судьёй международной категории, жившим и работавшим в столице Сибири городе Новосибирске. А в первые дни и часы моего знакомства с Александром Семёновичем у нас возникло какое-то взаимное напряжение, когда разговор перешёл вдруг из шахматной плоскости в плоскость географическую и вылился в такую, близкую к символу наступающего года, фразу: «Эвенкийский автономный округ покрывает Новосибирскую область, как бык корову».

Знаковым событием и для меня, как учителя информатики Байкитской средней школы, и для всего учительского коллектива стал переезд из старого здания школы в новое её здание.

В середине декабря на годичном собрании красноярских писателей меня приняли и в Красноярскую писательскую организацию, и в Союз российских писателей. Правда,

виртуальная брочка моего членства в СРП доехала сначала в виде решения Красноярского писательского собрания от Красноярска до Москвы, а потом от Москвы до Байкита в виде решения Московского писательского собрания лишь в сентябре следующего, 2000-го, года, привезя мне в конверте членский билет этого писательского союза.

При возвращении из Красноярска в Байкит судьба сделала такой неожиданный пируэт. Пока наш самолёт летел от Красноярска до Байкита, в Байките испортилась погода, и, как оказалось, испортилась сразу на двое суток. Эти двое суток и пассажиры, и экипаж нашего самолёта провели на запасном аэродроме в аэропорту Горный посёлка городского типа Тура. Этот мой визит в столицу Эвенкийского автономного округа совпал с трудностями в обеспечении окружного центра самым необходимым — светом и теплом. Это был такой апофеоз «парада суверенитетов», который происходил тогда в стране с лёгкой или тяжёлой руки тогдашнего президента России Бориса Ельцина. Речь тогда реально шла о выживании населения целого

Аэропорт Горный. Тура, декабрь 1999 года

Аэропорт Горный — столица карточных игр. Слева — Эдуард Буниц, сотрудник Байкитского авиапредприятия, справа — автор этих строк. Декабрь 1999 года

посёлка: солярку для дизельных электростанций подвозили самолётами из Якутска, свет давали в дома туринцев на несколько часов в день. Впрочем, в аэропорту Горный и со светом, и с теплом было всё в порядке; другое дело, что само здание аэропорта не было предназначено для двухсуточного пребывания такого количества людей, гостиницы при аэропорту не было, а ехать в тёмную и холодную Туру в поисках ночлега решились не все. В первые сутки с момента приземления нашего самолёта в аэропорту Горный ожидание вылета в Байкит было таким лихорадочным, что ли. На вторые сутки это ожидание стало более спокойным, и мы небольшой, из трёх человек, компанией заняли себя игрой в карты. Один из эпизодов этого продолжительного по времени занятия — игры в карты в подкидного дурака — и запечатлён на фотографии. Слева — Эдуард Буниц, сотрудник Байкитского авиапредприятия, справа — автор этих строк.

Р. С. Когда прошло двое суток нашего пребывания в аэропорту Горный и все пассажиры готовились провести третью ночь практически в полевых условиях, а любители карточных игр готовились перейти в профессионалы, раздалась команда:

«Узел связи, строиться на этаже», — нет, конечно, прозвучало объявление: «Пассажиры рейса Красноярск — Байкит, вас приглашают на посадку в самолёт», — и все пассажиры, и любители карточных игр в том числе, кто не чуя под собой ног, а кто и разминая затёкшие от долгого сидения ноги, отправились на лётное поле и примерно через час благополучно приземлились в аэропорту Байкита...

ШАХМАТЫ И ПОЭЗИЯ, или ЗАПИСОЧКА КАК ВЕРШИНА АЙСБЕРГА

Вот такую записочку я обнаружил в своём архиве. Короткая расшифровка. Сначала я сыграл в шахматы в блицтурнире на матфаке, который в те годы располагался в центре города, на улице Лебедевой, в бывшем здании школы № 33. А потом поехал в общежитие в Академгородок, где побывал на

Роман Солнцев —

20/12-75 в субботу

20⁰⁰
Всё — еде и ответ!

20/12.75 —

Блещу на матфаке

12 ½ у 13 Тмест

11 ½ у Устинова

10 ½ у олов.

10 9 ½ у матр. олова
и Крымова

творческом вечере Романа Солнцева, который читал студентам университета свои новые стихи.

Эта записочка является такой вершиной айсберга, позволяющей памяти зацепиться за неё и использовать информацию, содержащуюся в ней, для того, чтобы оценить полные размеры айсберга и рассказать, поведать о них.

Роман Солцев жил тогда в Академгородке и выступал перед студентами университета, жившими в общежитии.

Если имя и фамилия Романа Солнцева не требует расшифровки, то остальные имена и фамилии такой расшифровки требуют.

Виктор Иванович Оловянный — выпускник биолого-химического факультета КГУ, некоторое время работавший в научно-исследовательском институте, а потом целиком переключившийся на организаторскую и тренерскую шахматную работу и достигший в этом направлении заметных высот.

Александр Матросов — окончил юридический факультет университета и сделал карьеру в правоохранительных органах. Я его встретил в Абакане в девяностые годы во время одного из шахматных фестивалей «Саяны» в милицейской форме, в чине майора милиции.

Александр Устимов — на третьем курсе ушёл в армию, университет не окончил и вернулся в родной Канск.

Петра Крылова, несколько раз бросавшего университет и возвращавшегося в него, я видел в апреле 1983 года в Дивногорске на полуфинале чемпионата края по шахматам. В том же полуфинале играл и Александр Устимов.

Прикладываю к материалу студенческую фотографию на крыльце матфака весной 1976 года.

